

Егоров Александр Васильевич

Повелитель Ижоры

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Е30

Е30 **Егоров Александр Васильевич**
Повелитель Ижоры / Егоров Александр Васильевич – М.: Книга по Требованию,
2012. – 211 с.

ISBN 978-5-458-04121-8

Питерскому школьнику Филу – шестнадцать. Он мечтает о том, чтобы создавать компьютерную реальность, но по бедности вынужден трудиться курьером в обычной фирме. И вот однажды один из богатых клиентов просит его отыскать пропавшую dochь. Для Фила это шанс вырваться из ничтожества. Он хватается за него... И фантастика виртуального мира врывается в реал.

ISBN 978-5-458-04121-8

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Александр Егоров
Повелитель Ижоры

Пролог,

в котором два юных друга, сами того не зная, начинают всю нашу историю

Историк ходил в джинсах и пиджаке. Весной веснушчатые восьмиклассницы поглядывали на его широкие плечи, о чем-то таком вздыхали. Но учитель был непреклонен. Он поворачивался спиной, писал на доске непонятные и ненужные восьмиклассницам вещи.

Было историку лет двадцать пять. После университета он женился на местной прыщавой дуре, завел ребенка, ждал второго. Понятно было, впрочем, что и жена, и ребенок, и вся эта богом забытая школа в Изваре ему на хрен не сдались. Просто он так косил от армии.

Звали его Борька.

В том году, когда началась эта история (видите, нам никуда не деться от истории), май выдался жарким, и спечься заживо в классе никому не хотелось. Но Борис Александрович вел у десятого класса последний урок, а в субботу обещал отвести их всей компанией в поход, с палатками. За это Борьке заранее прощалось все, даже его безответная любовь к древнему миру.

– Топонимы вообще древнейшая часть лексики, – продолжал свою лекцию Борис Александрович. – Да: топонимы, то есть названия рек, городов, целых местностей. Часто они переходят по наследству от прежних жителей к новым, и тогда новые поселенцы повторяют их, не понимая, да еще и коверкают, подгоняя под свой язык.

– Коверкают, блин, – шептал Колян Мирский по прозвищу Кольт на ухо новенькому, Игорю. – Я бы сейчас кого-нибудь поковеркал. А интересно, когда они с женой трахаются, она ему...

Игорь этого не знал. Он молчал, но волновался.

Колян любил его *подкальвать* (кажется, в те годы это называлось так). Но обижать не обижал: новенький был из питерских и знал массу интересных вещей, а любопытному Кольту это нравилось. К тому же от природы он не был злым; а был он рослым и довольно нахальным парнем, мускулистым, с густыми светлыми волосами и до странного задумчивым – при всей-то наглости – взглядом. Этот дивный подарок природы приносил ему немало успехов. Он менял подружек раз в четверть, итого набралось уже пять (все они ссорились и дрались друг с другом, но только не с ним). Даже Алевтина Петровна, учительница литературы, ставила ему на балл выше, стоило Кольту взглянуть на нее чуть дольше обычного. А ведь он не мог отличить Маяковского от Лермонтова!

Историк тем временем вещал о своем:

– Древнее население здешних мест обитало по берегам рек и кормилось от воды. Они и звали себя – весь, или вепси, что означало: водяные люди. Новгородцы просто перевели это местное слово на свой язык, получилось «водью»¹. А те, кто жил на возвышенности, считались над этой «водью» как бы островитянами. Слово «Изваара», похоже, и обозначало что-то вроде «там, на холмах»², а может, и нет; во всяком случае, славянские соседи переделали это слово в «Ижору».

– «И в жопу», – повторял бесстыжий Кольт. – Вепси, пепси. Пиво лучше.

– Финские племена называли эту местность Ингрия³! а шведы – Ингерман-

ландия. – Голос историка сделался таинственным. – А ведь вы помните: сына Рюрика звали Ингвар, или Игорь... вот и подумайте...⁴

Колян опять толкнул соседа:

– Матюшкин, пошли после уроков пиво пить. Или ты пиво не пьешь?

Игорь Матюшкин молчал и хмурился. Он слушал учителя внимательно, даже очень внимательно.

Расскажем теперь и о нем. Так уж вышло, что Игорь перешел в эту школу совсем недавно, потому что их с матерью выселили из питерской квартиры – что-то там случилось неприятное, о чем он не любил рассказывать, и мать не рассказывала. На новом месте Игорь полгода болел и учился дома, и удивительным образом так хорошо выучился, что попал едва ли не в отличники; хотя он нимало этим не гордился, потому что чем тут гордиться. Вот если бы у него был скутер, тогда другое дело.

Но какой там скутер! У его матери не хватало денег даже на новые джинсы для сына. К тому же он был долговязым и рыжим, и девочки на него не смотрели. Он же, случалось, провожал их – взглядом, только взглядом, внимательным и мечтательным (назовем это так). Но эти мечтательные глаза мигом опускались, стоило им встретиться со взорами встречной красавицы, если, конечно, ее скучающее внимание обращалось к нему хотя бы на мгновение. В довершение всех бед Игорь неудержимо краснел, если девочки с ним заговаривали, ну, скажем, чтобы попросить по-тихому обменяться вариантами контрольной или за каким-либо другим пустяком. Видя это, девчонки смеялись. У него хватало ума обернуть все в шутку. Вот только шутки кончались, во рту пересыхало, а разговоры не имели продолжения. Нужно ли объяснять, как он терзался?

И все же в его душе был уголок, где он чувствовал себя полновластным хозяином и наслаждался уединением: известно ведь, что если такого убежища нет и не может быть в реале, оно неизбежно построится в сознании, и еще вопрос, что после этого придется считать реалом, а что мозговой игрой. В этом своем таинственном уединении Игорь называл себя Ингваром, и еще у него был названный брат – Ники. Своим воображаемым друзьям и подругам он давал столь же звучные, стальные имена: Рагнвальд, Хельги... однако среди этих фантомов верный Ники стоял особняком.

Было бы, пожалуй, интересно выяснить, кто же был этим таинственным побратимом, носившим имя то ли норманнского пирата, то ли последнего русского царя-неудачника? Долго гадать нам бы не пришлось, потому что в реале у Игоря был только один друг, уже упомянутый разгильдяй и бездельник, Коля Мирский по прозвищу Колт. Да и тот, если бы узнал о призрачном мире, выстроенном приятелем, и о своем месте в нем, то, пожалуй, обозвал бы Игоря неприятным для него словом – и был бы несправедлив к нему, конечно.

Как вы уже догадались, Игорь Матюшкин увлекался исторической альтернативой.

Все начиналось с малого. Еще в Питере в Доме книги (они с отцом и матерью жили неподалеку от Дома книги) он покупал книжки разных фантастов, талантливых и не очень, если только видел на обложке ребят в скандинавских кожаных доспехах, отделанных кованой медью, и с обнаженными мечами.

Почему в скандинавских, спросите вы, почему не в русских? А вот почему: по глупой детской причуде Игорь полагал себя потомком викингов-завоевателей.

Где-то вычитал он про Лейфа Эрикссона, героя саг, первого открывателя Америки, а точнее, полуострова Лабрадор, откуда происходят знаменитые собачки; скальды сказывали, что Лейф тот был рыжеволосым, как и наш Игорек.

Самое занятное, что его фантазия была не слишком далека от истины. Предки Матюшкина по отцу происходили из Поморья, где во времена смутные изрядно потоптались норвежские рыбаки, порядком подразбив густую новгородскую кровь своей, рыбьей, – а то и раньше дело было, в те времена, когда и самые викинги-норманны, давние пращуры тех рыбаков, захаживали в Белое море из какого-нибудь своего Варангера.

Больше всего на свете Игорь мечтал жить в ином времени. Отмотать время лет на тысячу назад и жить. И не просто так себе жить, но – непременно со славой.

Путь к славе был хорошо известен. Для этого надлежало возглавить дружину, сесть в корабль и отправиться на завоевания. И там, в неведомых низких землях, а может, на скалистых островах, где бьют горячие гейзеры, – там сойти на берег, покорить всех встречных своей доблестью и затем твердой рукой править маленьким, но гордым народом – до самой старости.

Так порой и в нашей крови вскипает дух предков, и минувшее кажется нам прекрасным, и сдается нам, что только в этом минувшем и осталось для нас место: заблуждение, подозрительно похожее на правду; но мыто знаем, что дело не в прошлом и не в будущем, а всего лишь в наших бурлящих желаниях, зажатых в этом неуклюжем теле, подобно тому, как мы сами заперты в бетонных клетках, которые мы же и выстроили себе на погибель.

Короче говоря, уже к своим пятнадцати Игорь Матюшкин был готовым реконструктором.

Правда, заняться реконструкцией в реале, как этим занимались тогда многие парни и даже вполне обеспеченные взрослые, у него не хватало смелости. Он просто читал и мечтал. Он даже не подозревал, что таких, как он, мечтателей среди его юных сограждан довольно много, – ведь у него не было компьютера с Интернетом, да и какой в Изваре Интернет?

Поэтому-то он увлеченно слушал Борькины рассказы и ловил каждое слово: слова эти складывались у него в голове в какие-то причудливые нагромождения, далекие от реальности, и это была совершенно особенная история, не та, что преподавалась в учебниках. Сам учитель и не подозревал, какие глубины открываются для пытливого слушателя за его случайно оброненными фразами (скажем с горечью: историк Борька всегда ленился заниматься настоящей наукой, за что и угодил в заштатную школу, а не в Англию на стажировку). Но Игорю и не нужна была достоверность. Его влекли тайны.

Тайный его побратим, по всей видимости, тоже задумал что-то чрезвычайное: он обменялся записками с Олечкой Артемьевой, задумался, порылся в карманах, затем притих.

Между тем Борис Александрович поглядел на часы:

– Итак, подведем итоги. Вы уже поняли, что история здешних мест была похожа на пирог, к которому каждое новое поколение поселенцев добавляло свой культурный слой. Разве что новое всегда укладывалось поверх старого.

Колыт не удержался и хмыкнул. Историк даже не взглянул на него:

– Но это старое не могло исчезнуть без следа. Оно оставалось в поверьях, в

легендах, в бессознательной памяти народа... Кто-то, не помню сейчас кто, удачно сказал: боги прежних религий всегда становятся чертами в новых...⁵ – Тут Борька снова взглянул на часы, развел руками. – Ладно, на этот год хватит с вас. Сейчас звонок будет, отдохните. Потом снова соберемся, поговорим насчет субботы.

Колян повернулся к приятелю:

– Завтра я коньк у папаши утащу, – пообещал он вполголоса. – Слыши, Гарик? У тебя в рюкзаке спрячем, чтоб Борька не нашел. А то ко мне он в сумку всяко залезет.

Еще пару секунд у юного Ингвара вертелись в голове образы иного времени. Потом он опомнился.

– Ну, давай, – отвечал он. – А кого еще возьмем?

– Да никого. Почти. У меня есть далеко идущий план.

– План?

– Ну да, – ухмыльнулся Кольт. – Еще какой забойный.

Раскурил таинственную папиросу, Кольт затянулся и глухо закашлялся, зажимая рот рукой. Протянул косяк Гарику. Тот осторожно втянул дым. Вещь была непростой, потому что вскоре в голове все поплыло, и своды палатки надвинулись, и даже чьи-то темные лапы вдруг полезли в окошко, затянутое сеткой от комаров. Воздух в палатке стал густым и клейким. Колян пошевелил пальцами, слготнул и прохрипел:

– Хренасе, вставляет.

Они подождали еще немного. Электрический фонарик тускнел. Если на него смотреть долго, в глазах начинали плясать алые и оранжевые круги – у Игоря красные, у Кольта оранжевые.

– Это... была правильная мысль – в палатке, – снова сказал Колян. – Дым не уходит. Моя мысль.

– Погоди, – взмолился Матюшкин. – Тихо.

– Что тихо?

Вокруг и вправду было тихо. Песни кончились, костер догорел, все расположились по палаткам, даже Олечка вернулась в свою. Час назад их с Коляном отсутствия никто даже не заметил, только Борька спросил: а где у нас Коля Мирский? – но Игорь друга не выдал.

Хорошо еще, что коньк Борька не унюхал, наверно, потому, что сам что-то такое изредка глотал из фляжки, – а чего ему было бояться, все свои.

– А она ничего трахается, – сказал вдруг Кольт. – Сама на все идет.

– Артемьева? – зачем-то спросил Игорь.

– Ну а кто. Ты бы хотел?

– Не твое дело.

– А с кем бы ты хотел?

Игорь скрипнул зубами.

Кто-то поскребся снаружи в палатку, и Кольт отскочил в дальний угол.

– Вы чего тут делаете? – прозвенела, разъезжаясь, молния, и Олькина голова из темноты просунулась внутрь.

– А, вот это кто, – пробормотал Колян. – Вот измена.

– Ничего себе, *кумар* какой. Вы чего-нибудь еще соображаете?

– Многое, – заметил Колян.

– А я заколку потеряла. Там, в лесу. Смотри, все волосы перепутались.

Теплая – только что из спальника, – в своих тонких брючках она уселилась между ними, и у Игорька голова пошла кругом. В соломенных Олечкиных волосах запутались сосновые иголки. От нее пахло смолой и дымом. И еще чем-то, сладким и острым: такого запаха Игорь еще никогда не слышал. «Хельги, – прошептал беззвучно Ингвар. – Да, я хочу. Да». Ольга пошарила рукой в темноте (фонарик совсем потух), оперлась на его колено. Он накрыл ее ладонь своей, горячей.

– Гарик? – Олечка обернулась со смехом. – Ты чего?

Она хотела пожаловаться Коляну, но что-то ее удержало. И еще ей стало интересно: как поведут себя друзья, если узнают...

– Я пойду, – сказал вдруг Игорь. – Я тут лишний.

Ответом было молчание. Девушка высвободила руку, отодвинулась. Тогда он выбрался из палатки, задернул полог и побрел прочь. Над ним шумели сосны, как шумели они и тысячу лет назад – равнодушно и бессмысленно.

У потухшего костра он остановился, сел на теплую еще землю, обхватил голову руками.

– А я-то мечтал, что ты будешь со мной, Хельги, – бредил он вслух. – Ведь это я тебя люблю. Я, а не он.

Ингвар облизнул пересохшие губы.

– Но он мой побрратим, Хельги, – словно бы отвечал он сам себе. – Я не могу убить его. Мы поклялись в вечной дружбе. Даже из-за тебя я не могу убить его.

Из палатки не доносилось ни звука. Только ветер шумел в ветвях.

Тогда Ингвар поднял голову: звезды мерцали в фиолетовом небе, серебристый череп луны глядел на него недобро, и холодное безумие поднималось в нем, будто он объелся магических грибов и стал берсеркером.

– Если я не могу убить его, я могу убить себя, – медленно произнес он. – И когда это случится, ты уйдешь вместе со мной, Хельги. Возлюбленная должна всюду следовать за своим ярлом⁶. Ты ведь пойдешь за мной?

Он поднялся на ноги и огляделся. Пошатываясь, сделал несколько шагов. Опершись о ствол громадной сосны, для чего-то посмотрел вверх: злая луна скрывалась среди ветвей. Он отступил на шаг – луна вновь появилась.

– Боги все видят, – промолвил он.

В кармане куртки лежал складной нож. Прислонившись спиной к сосне, Игорь достал его, нащупывая раскрыл, провел пальцем по лезвию. Нож был тупым.

Он помедлил. Подумал. Затем осторожно положил ножик на землю, скинул куртку (под ней была дешевая застиранная футболка), снова взял нож в руку. Переложил в левую. Потрогал пальцами шею: где-то возле горла пульсировала жилка, даже (как ему показалось) медленнее, чем обычно.

Это называется сонной артерией, думал он. Если ее перерезать, кровь вытечет быстро. Умереть – уснуть.

Да. Запястья перерезают только дураки и женщины, думал он. Он-то знает, как нужно. Нужно одним резким движением глубоко вспороть мягкие ткани – после этого нож можно бросить. Кровь хлынет фонтаном, потом поток ослабнет, и у него закружится голова. Затем, вероятно, он упадет навзничь. Главное – в

первый миг не вскрикнуть. Однажды, когда он выстругивал рукоятку для боевого топорика, нож сорвался и врезался ему в руку. В кисть руки, возле самого запястья. Нож уперся куда-то, наверное, в кость. И он вскрикнул от боли.

Это было два года назад. Теперь большой палец плохо сгибается. Вот и шрам на память.

Но тогда он был маленьким и слабым. Теперь нет.

Он горестно усмехнулся, зажал ножик покрепче и прижался спиной к теплой шершавой сосне. Закрыл глаза.

– Эй, – позвал его кто-то знакомым шепотом. – Э-эй. Матюшкин, ты где?

Руку свела судорога. Игорь выронил нож, тот стукнулся о корень, блеснув в лунном свете, отлетел в сторону.

– Ты чего тут делаешь один? – Ольга стояла перед ним, ее грудь была обтянута тесной маечкой, будто нарочно. – Ты обиделся?

– Н-нет.

– Ты не обижайся. Кольт отрубился. Спит. А я еще спать не хочу. Знаешь что, Матюшкин? Пошли погуляем, а?

Она нагнулась и подняла с земли его куртку. Сунула ему в руки. Олькины глаза блестели в темноте, беленькая маечка светилась, и луна заливала всю эту картину какими-то колдовскими флуоресцентными красками.

Все, что случилось раньше, теперь казалось нелепым и смешным. Игорь хотел что-то сказать, но вместо этого просто улыбнулся и накинул куртку Ольге на плечи – будто кто-то ему подсказал, что надо делать. Девушка отстранилась, будто хотела уже уйти, сделала шаг и глянула на Игоря через плечо, улыбаясь только краешком губ.

Было довольно интересно прижать к себе фигурку в собственной куртке. Долю секунды Игорь обдумывал это, а потом запах ее тела окончательно *снес ему крышу* (так частенько выражались в те времена, что мы пытаемся описать).

– Не здесь же, – шепнула Олечка. – Какой ты, Гарик. Пойдем подальше. Борька проснется, *запалит*. Ой, а чей это ножик?

– Не знаю, – сказал Игорь ей на ухо. – Du riechst so gut!⁷

– Это песня такая? Я помню. А что это значит?

– Не знаю, – повторил Ингвар. – Что-то хорошее.

Колян зашел к нему через два дня, утром.

Он был весел и бодр, как обычно, даже радостен с виду, правда, глаза его по-прежнему оставались задумчивыми, но такой уж у него был взгляд. Посмеиваясь, он сказал:

– Ну вот что, *чувак*. Про тебя и Артемьеву я все знаю. Она мне сама сказала. Но ты не парься: мне *по фигу*. Считай, забыли.

Кольт как-то излишне грубою хлопнул Игоря по плечу.

– Я даже *прикололся*: романтика. Ночь. Луна. Первое свидание, ну и все такое. Я, может, и не спал тогда. Просто прикинулся.

– Вот как, – сказал Игорь.

– Ну да. Я не жадный, ты же знаешь.

Игорь молчал. Ничего сделать было нельзя. К тому же было утро. Утром, да еще таким по-летнему жарким утром, трудно спорить с реальностью. По утрам

он не мог быть Ингваром. По утрам Ингвар становился прозрачным и терял силу.

А его щедрый друг не был похож на названого брата, Ники. Он был всего лишь Кольтом. Разгильдяем и всеобщим любимцем.

– К тому же мы с ней расстаемся, – продолжал Кольт. – Она, правда, про это еще не знает.

– Понятно.

– Что тебе понятно? Ты мне друг? Друг. Вот и *не парься*.

Колян развалился в скрипучем советском кресле, которое переехало к ним из той, прежней, жизни. Где остались пустая опечатанная квартира, и Дом книги напротив, и увядшие гвоздички у подъезда, и его, Игоря, никчемное детство.

– Кстати, – сказал Колян. – Мне папаша компьютер привез. Пошли поюзаем? Мне в этой штуке ни х...я не разобраться. А ты и английский знаешь. Там есть диск с играми, так я даже не понимаю, как называются. Какие-то, бл...дь, графические модели.

– 3D-графика? – спросил Игорь.

– Типа того. Там даже очки есть в комплекте. Для виртуальной реальности. Говорят, башню сносит напрочь.

– Ну, пойдем, – сказал Игорь.

– Я знал, что тебе понравится. Хотя трахаться все равно *круче*, правда ведь? Он засмеялся, хотя глаза оставались серьезными.

– Только смотри, не предлагай ей жениться, как школу кончишь, – предупредил он. – Вдруг она согласится? А, Матюшкин? Вот тогда попал ты.

Его улыбка висела на лице чуть дольше, чем было нужно. Игорь поглядел на него и отвернулся. Ему не было стыдно. И трахаться действительно было круто.

Кольт озабоченно потрогал подошву кроссовки, к которой что-то прилипло еще там, в лесу. Затянул потуже шнурки.

– Ладно, партнер. Двинули.

С этими словами он поднялся с кресла. Дождался, пока приятель отыщет ключи и запрёт обшарпанную дверь квартиры. Вдвоем они спустились по узкой лестнице и вышли из подъезда на залитую солнцем улицу. К остановке как раз подкатывал, задыхаясь, местный автобус, и друзья решили побежать, чтобы успеть. Смеясь и толкая друг друга, влезли внутрь.

Здесь мы с ними рас прощаемся, чтобы продолжить нашу повесть уже совсем в ином времени: именно там, в ином времени, случится немало необъяснимых и таинственных событий, о которых наши герои даже не подозревают, глядя сейчас в окна древнего автобуса, что пылит куда-то по пустынной сельской улице – возможно, прямиком в будущее.

Часть первая

Курьер

Глава 1,

в которой по прошествии времени один молодой человек тоже вписывается в историю, но на этот раз в чужую

Когда автобус отъехал от остановки, парень помедлил, привычно потянулся к воротничку куртки, отчего-то досадливо повертел головой. Потом сунул папку с документами под мышку, примерился и в несколько прыжков перелетел проспект, пока машины не тронулись от светофора. На последнем прыжке споткнулся и выронил папку, из которой немедленно вылетели какие-то бумаги.

Парень бросился их подбирать. Две девчонки на другой стороне улицы рассмеялись, но не громко – не так, чтобы привлечь внимание, а просто чтобы посмеяться. Их не интересовал неловкий долговязый неудачник в бейсболке с длинным козырьком, в потрепанных джинсах, бледный и рыжеволосый, да еще и на службе – в то время как все нормальные люди на каникулах. Вот он поднял голову, и одна из девчонок встретилась с ним взглядом.

– Странный какой-то, – оценила она.

– Ага. Как только что из «Strangers», – отозвалась подруга. – Тебе поиграть не предлагали?

– Я что, дура, что ли, – покраснела первая. – Мне заняться больше нечем? Чтобы с такими вот... – Тут она что-то прошептала подруге на ухо, та не на шутку развеселилась. – Да еще в очках этих...

Парень был без очков, поэтому совершенно непонятно было, что имеет в виду вздорная девчонка. Пока подруги смеялись, он успел собрать все свои бумаги. Не оглядываясь, почти бегом он добрался до нужного подъезда; там замедлил шаг, перевел дыхание. У самой двери засмотрелся на свое отражение в темном стекле, пригладил рыжие волосы. Вздохнул. Потянул за ручку, вошел.

– В маркетинг, к Петрову, – сообщил он девице за стойкой.

– Знаете, куда? – уточнила девица, рассматривая ярко-вишневые свои ногти. Она никогда не поднимала на него взгляда и поэтому никогда не узнавала.

– Четвертый этаж? – зачем-то спросил он.

Дверь лифта лязгнула, как сытая гильотина. На четвертом этаже прозвенел колокольчик, дверь неохотно уползла в сторону.

– Я акты привез. – Парень выложил на стол перед Петровым стопку скучных документов с печатями. Петров – лысоватый, рыхлый – рассеянно кивнул, взял. Взамен достал из-под вороха бумаг прозрачную папку с мелко напечатанными таблицами.

– Отвезешь Мирскому, Николай Палыч, пусть посмотрит. А вот это пускай подпишет. И пропечатает обязательно.

«Блин, опять через весь город», – подумал курьер.

Петров усмехнулся.

– Знаю, знаю, не любишь. Ладно, занесешь ему – и все, на сегодня свободен. Только дай мне знать, как в руки отдашь.

– Хорошо, – кисло улыбнулся курьер. Петров заметил, пригляделся, прищурил близорукий глаз: